

И. Г. Фихте и М. Лютер: опыт сопоставления

А. В. Лукьянов

Башкирский государственный университет

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, улица Заки Валиди, 32.

В статье исследованы культурные и духовные параллели между философскими идеями И. Г. Фихте и М. Лютера. На историко-культурном материале обоснован вывод о том, что если И. Г. Фихте апеллировал к идее последнего основания нации, исходя из противопоставления дворянства и народа, то М. Лютер обратился напрямую ко всей нации в целом. Но их объединяло обращение к единству культуры и жизни. При этом сама «история» мыслилась ими как некое усилие мысли, т.е. в деле понимания исторического процесса на первый план выдвигалась его рефлексивная составляющая.

Ключевые слова: немецкая Реформация, М. Лютер, И. Г. Фихте, их роль в Реформации, идея последнего или предельного основания нации, современная эпоха, Реформация как «рычаг» новой философии.

Такие имена как И. Г. Фихте и М. Лютер связаны с историей немецкой Реформации и философии и имеют самое непосредственное отношение к современной нам эпохе, когда происходит поиск социокультурной идентичности общества (включая и Российское), стремящегося создать эффективную систему культурной, духовной и социальной организации.

Тот факт, что немцы – самобытный народ, исторически доказала их религиозная и церковная реформация. Когда германские народы восприняли христианство от римлян, оно, в данный момент, «было искажено языческими суевериями» [1, с. 637]. Необходимо заметить, что исходившее от римской древности, и в основе своей «языческое», зачастую принималось за христианство. Древности в те времена не знали. Когда философы стали знакомиться с ней, то открыли в христианстве «смесь подлинного и неподлинного» [1].

Дух Возрождения породил Реформацию. Но новых римлян, от которых шло пробуждение древности, она не коснулась. Люди, занятые возрожденческими тенденциями, видели противоречия и «чуждые элементы христианства, смешанного с языческими представлениями» [1]. Сам «свет науки о древности», постепенно, проник в центр ново-римской культуры. Но он лишь коснулся рассудочного понимания, «не захватив жизни и не изменив ее» [2, S. 344–346].

И. Г. Фихте всегда подчеркивал тот момент, что немцы «как нация», не вынужденные жить под натиском других народов и чувствующие себя «уважаемыми по отношению к

другим», имели нравственную силу воли «уединиться в самих себя и тихо покоиться в самих себе» [3, с. 18].

Немецкий ум отнесся к Реформации серьезно. Свет «нового Просвещения» пал на религиозную душу и, постепенно, пробудил влечение к «очищению религии» и «к отделению подлинного христианства от неподлинного» [1, с. 637].

Когда мы размышляем о М, Лютере, то ставим вопрос о том, а каким именно образом мы должны поступать, чтобы становиться «блаженными», т.е. думать о духовном спасении всего человеческого рода? Тот, кто серьезно смотрит на этот вопрос, тот призван стремиться открывать «глаза» другим. Так чувствовал М, Лютер. Новые нравственное воззрение, связанное с поиском последнего, предельного основания нации, охватило его и путь другие люди в эпоху Реформации и имеют земные дела и цели, они никогда не одержали бы победы, если бы «во главе их не стоял вождь, воодушевленный вечным» [1, с. 638]. Человек, в принципе, должен стремиться к спасению всех людей. В этом состоит «серьезность» любой нации (в том числе и немецкой).

Нация не совпадает с империей как государством. Она едина «не вследствие писаного права», а права, «живущего во всех думах» [3, с. 19]. При этом, каждый человек мог рассматривать себя в составе империи двояким образом: как гражданин своей Родины и как гражданин «общего фатерланда» немецкой нации. «Каждому было дано право искать на всей территории этого отечества то образование, которое более всего роднилось бы с его духом» [3, с. 19].

Необходимо заметить, что духовная свобода приводит к тому, что культурное целое, политически ослабленное, держится благодаря языку письменности. Но, как бы то ни было, немецкое единство всегда опиралось на Республику ученых. При этом сам И. Г. Фихте резко выступал против тезиса Лютера о «крайней греховности человека». Он развивал ту мысль, что в основе человека лежит сочувствие к добру, то эта склонность может приобрести такое развитие, что для человека станет невозможным отказываться от того, что почитается за добро.

Поскольку сам Фихте всегда знает лишь нравственную, духовную религию и, соответственно, «невидимую» церковь, то эта «религия» может быть для него «религией разума». Но у Лютера была «более глубокая религия» [3, с. 40], поскольку он самым серьезным образом отнесся к самому «спасению души». Согласно, Лютеру, важно было изменить не только «внешнего» посредника между людьми и Богом, но и вообще не нуждаться ни в каком «посреднике». Самому Лютеру его честный энтузиазм дал еще больше, потому что он всегда был в поиске, и вывел Лютера далеко за пределы его научной системы. После того, как он преодолел первые терзания совести, вызванные его смелым отрывом от прежней веры, все его высказывания полны ликования и торжества по поводу победы, одержанной детьми Божьими, которая (...) была вспышкой их непосредственного чувства [4, S. 349–350].

Сама сущность Реформации заключается, согласно И. Г. Фихте, в «освобождении» от католической веры в «откровение». М. Лютер, по мнению И. Г. Фихте, не привнес никакого нового содержания. Он лишь приоткрыл дверь в область, в которой позднее могло быть найдено позитивное содержание для дальнейшего развития мысли.

С точки зрения И. Г. Фихте, тот позитив, который привнесли немцы, есть «трансцендентальная философия». В этом плане, принципиальная структура истории познается, прежде всего, а priori и «дедуцируется» из абсолютного образа. Но абсолютное знание есть не систематическое целое, а «система свободы», причем, как таковая. Однако сама свобода невыводима. Поэтому, И. Г. Фихте правильно определяет историю как «часть науки вообще».

М. Лютер выступил не только против римского папы, но и продолжил стоять за единство веры в «священной Римской империи». Труды М. Лютера подводят нас к фундаментальному значению религии для народа.

Сама Реформация сделалась «рычагом» новой философии, в которой немецкий дух должен был проявить свою мысль в противоположность ко всему иностранному.

Заметим, что свободное философское мышление, постепенно развилось у немцев в направлении отличном от иностранного. Вопрос заходил лишь от том, как защитить саму духовность от иностранных влияний. Так возникла «иррелигиозная» и вместе с тем «несвободная философия», продукт несамостоятельного и независимого духа [1 с. 639].

Там, где обитает самостоятельный немецкий дух, там люди никогда не удовлетворялись лишь чувственной стороной. Но наша задача заключается в том, чтобы отыскать «сверхчувственное» в самом разуме и создать философию.

Германия есть родина немецких народов. Романские народы – это некий германский мир, ставший сегодня, практически иностранным. Но исторический прогресс есть продукт работы и тех, и других. Ценность и смысл данной работы весьма различны, как различны характеры этих народов. Сам «характер» иностранцев склонен к инициативе; немецкий же характер отличается завершенностью. Заметим, что немецкий дух воспринимает Древность не как нечто чуждое, а как составную часть своей собственной жизни. Немецкий дух М. Лютера и И. Г. Фихте, постепенно, проник в дух классического мира и «передал его как живую культуру другим народам» [1, с. 639–640].

И Фихте, и Лютер всегда соотносимы с идеей духовной жизни. «В Италии – возрождение, в Германии – реформация; в Англии – эмпирическая философия, в Германии – критика разума и «наукоучение»; во Франции – революция, в Германии – воспитание народа» [1, с. 640].

Лютер со своим призывом к Реформации обратился прежде всего к «аристократии немецкой нации» и, таким образом, в деле были сдвинуты акценты. Фихте замечает,

что «Лютер со (своим) чисто человеческим призывом, конечно, обратился ко всем, (однако) в первую очередь к своей нации в целом» [4, с. 348–349]. Фихте, напротив, исходил как тсен-симон из идеи противопоставления дворянства и народа [5].

Конечно, в самой Германии любое новое определение истории исходило от творческих личностей и доходило до народа, но именно народ становился затем главным носителем идеала, его духовным воплощением [6].

Итак, анализ идей М. Лютера и И. Г. Фихте позволяет заключить, что оба мыслителя исходили из принципа единства культуры и жизни. Это основоположение вырастает из понимания истории и исторического процесса как некоего усилия мысли. Это усилие сопряжено с поиском последнего, или предельного, основания национальной жизни. Его суть – в познании духовной конституции нации, ее культуры, языка и самого национального характера.

Литература

1. Фишер, Куно. Речи к немецкой нации. Новое время и немецкий народ // История Новой философии. Т.6. – С. 637–639.
2. I. G. Fichte. Reden an die deutsche Nation. Mit einer Einleitung von R. Lauth. – Felix Meiner Verlag. Hamburg: Meiner, 1978. – S.91– 105.
3. Лаут. Р. Последнее основание фихтевских «Речей к немецкой нации» // Фихте и конец XX века: «Я» и «Не-Я» / Отв.ред. и сост.: А. В. Лукьянов, А. Ф. Кудряшева, В. И. Метлов. – Уфа, 1992. – с. 18.
4. Fichte, I. G. Sämtliche Werke, hrsg. Von I. H. Fichte, Berlin, 1846. Bd. VII. – S. 349/350
5. См.: Лукьянов, А. В. Иоганн Готлиб Фихте: Жизнь, сочинения и учение: монография / А. В. Лукьянов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – 288 с.
6. См.: Лукьянов, А. В. И. Г. Фихте как историк общественной мысли // общественная мысль: исследования и публикации. Вып.4. – М.: Наука, 1993. – с. 88–102.

Статья рекомендована к печати кафедрой философии и политологии БашГУ
(докт. филос. наук, профессор Б. С. Галимов)

I. G. Fichte and M. Luther: experiment on comparison

A. V. Luk'yanov

Bashkir State University

32 Zaki Validi Street, 450074 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

The article analyses cultural and spiritual parallels between philosophical ideas of I. G. Fichte and M. Luther. The historical and cultural material helps to testify that I. G. Fichte appealed to the idea of nation's final establishment, proceeding from the opposition between the gentry and the general public, whereas M. Luther called straight to the whole nation. But what made them common was appealing to the unity of cultural life, and "history" itself was treated by them as an effort of thought, so with regard to historical process its reflexive constituent was brought forward.

Keywords: German Reformation, M. Luther and I. G. Fichte, their role in Reformation, the idea of nation's final or ultimate establishment, modern age, Reformation as a lever of new philosophy.